

Павел Тулаев: *Уважаемый Владимир Владимирович, Вы известны в России как редактор журнала «Императив». Кроме того, «Наследие предков» опубликовало главу из Вашей книги «Единая Европа» под названием «Институциональные начала индоевропейской традиции» рядом с Вашим же откликом «Замечание по поводу некоторых ключевых аспектов в методологии ариософии». У читателей нашего издания возник интерес к Вашим разработкам. В связи с этим я хотел бы задать Вам несколько вопросов. Но для начала представьтесь, пожалуйста*

Владимир Видеманн: Я родился в 1955 году в городе Таллин, в Эстонии, в семье потомственных офицеров. Отец мой, Владимир Видеманн, родом из Санкт-Петербурга, тогдашнего

Ленинграда. Он был добровольцем Великой Отечественной войны, был ранен под Сталинградом, после чего попал по службе в Эстонию. Мать моя из Москвы. Она тоже оказалась в Эстонии со своими близкими, которые будучи военными там служили. По образованию я филолог-русист, по роду занятий журналист, писатель, политолог. Более десяти лет назад я уехал из Эстонии, части тогдашнего Советского Союза, за границу. Судьба сначала забросила меня в Южную Америку, где я провел чуть более года. Затем я попал в Соединенные Штаты. И, в конце концов, оказался в Германии, тогдашнем Западном Берлине.

П.Т.: *У Вас редкая для русских фамилия. Сами Вы себя считаете русским?*

В.В.: Естественно, я себя считаю русским. Фамилия Видеманн изначально немецкого происхождения, поскольку мой отец родом из балтийских немцев. Эти немцы были русифицированы, приняли Православие, служили Российской Империи. То есть я родился в русской семье. Как вы знаете многие исторические деятели России носили немецкие фамилии. Можно вспомнить, к примеру, барона Унгерна, генерала Дитерихса, премьер-министра Витте и других. Нынешний патриарх Русской Православной Церкви тоже, кстати, происходит из балтийских немцев. Он из Таллина, мой земляк. Хотя по большому счету, фамилия не имеет такого значения, какое ей иногда придают, она часто лишь исторический рудимент, не более

ТОГО.

***П.Т.:** Вы автор ряда книг: «Знаки империи», «Под стягами державы», «Единая Европа». Хотя они изданы малым тиражом, в нашем кругу они известны. Как Вы определяете направление своих научных поисков?*

В.В.: Прежде всего мне тут хотелось бы сказать, что поиск знаний как раз и стал причиной моего отъезда из СССР. Еще в 1970-х годах мне довелось познакомиться с кругом ученых-традиционалистов, мистиков, музыкантов. Я тогда живо этим заинтересовался и начал искать выходы в первоисточники. Мне довелось много путешествовать по нашей стране: я был на Дальнем Востоке, в Сибири, в Средней Азии, посещал закрытые школы буддизма и ислама. Когда я «просканировал» советское пространство, то решил изучить зарубежный опыт традиционализма, как теоретический, так и практический. Когда мой личный опыт обрел критическую массу, я пришел к выводу, что для дальнейшего роста и систематического изучения избранного круга проблем необходимо создать исследовательскую структуру, найти единомышленников, друзей и т.д. Для этого и было создано мной Институционалистское общество, или Общество европейских традиционалистов.

***П.Т.:** Где оно было создано?*

В.В.: В Берлине. Ныне оно объединяет неформально различных людей. В рамках нашего общества сотрудничают представители разных стран и направлений. Нас объединяет интерес к изначальной, так называемой Примордиальной, традиции и ее развитию на протяжении истории. Более того, мы стремимся найти элементы данной традиции в современности, в частности, в правовых аспектах нашей действительности. Речь идет именно об институции, об исторических институтах человечества: семье, обществе, государстве и т.п.

***П.Т.:** В каком из Ваших трудов наиболее основательно изложены теоретические аспекты*

Ваших поисков?

В.В.: Трудно выделить какой-либо один из трудов. У нас есть некая общая парадигма, с помощью которой мы отслеживаем различные аспекты человеческих институтов: культурологические, богословские, политические, юридические. Наиболее полным образом теоретические основы моих исследований изложены в книге «Единая Европа: проблемы и перспективы». Но об этом говорится и в других моих публикациях. В «Знаках Империи» делается упор на традиции русского общества.

П.Т.: Следующий вопрос о журнале «Императив», вокруг которого уже сложился определенный круг интеллектуалов. Изложите, пожалуйста, основную концепцию Вашего издания и назовите наиболее интересных авторов.

В.В.: Концепция журнала, точнее информационного бюллетеня нашего общества, заключается в тех принципах, о которых я говорил выше – в отстаивании институциональных начал нашей европейской традиции. Наши авторы так или иначе разрабатывают эту проблематику. Задача журнала как раз и состоит в том, чтобы показать общеправовую традиционалистскую ментальность во всем ее многообразии, где ключевая роль принадлежит северным народам. Вот почему среди авторов преобладают немцы и русские. Мы также стараемся осмыслить нашу общую перспективу, выраженную пока на интуитивном уровне. Цель состоит в том, чтобы осмыслить и увидеть горизонты нашего общего будущего, для Европы не только в географическом, но и в культурологическом смысле.

П.Т.: «Наследие предков» ставит близкие задачи. В связи с этим ответьте, пожалуйста, на вопрос: что именно Вы понимаете под Европой?

В.В.: Как институционалист я делаю акценты на юридических аспектах европейской общности. Для меня «европейскость» связана именно с культурой европейского права. В этом смысле все исторические образования, основанные на традициях европейского права, входят в данный контекст. И поскольку вопрос этот остается открытым для научного обсуждения, наш журнал стал ареной дискуссий по данному кругу проблем. Конечная цель – отстраивание единого международного паневропейского юридического пространства.

П.Т.: На мой взгляд, понятие «европейскости» более сложно. Такие страны, как США, Канада, Австралия, как, впрочем, и Россия, тоже считают себя европейскими в смысле культурных и институциональных основ цивилизации.

В связи с этим, не будет ли более правомерно называть эти страны не западными, а «постевропейскими» и говорить о фундаментальном единстве европейских и «постевропейских» цивилизаций. Вы согласны с тем, что Россия, будучи изначально сугубо европейской страной, превратившись в империю, сформировала мощное поле «постевропейской» цивилизации на территории Евразии?

В.В.: Ваше замечание, безусловно, справедливо, я с ним полностью согласен. Я тоже использую помимо узкого понятия «европейскости» термин «эллинизма», «эллинистической ойкумены», где разделяю «эллинское» как собственно греческое и «эллинистическое» как то, что было основано на базе древнегреческой цивилизации. Институты древних греков получили распространение на обширной территории: от Марокко до Индии, где существовало единое цивилизационное пространство. В этом смысле тот феномен, который Вы назвали «постевропейским миром», можно охарактеризовать как новый эллинизм, или, как я говорю, «нордический эллинизм». Он был воспринят норманнами-варягами от средиземноморских народов. Под норманнами я понимаю славяно-германо-балтийцев, которые расселились по всему миру. Об этом подробнее в моей книге «Единая Европа», где особенно подробно разработаны правовые аспекты. Данный дискурс весьма богат нюансами, открыт для исследования, и я приглашаю желающих к его научному обсуждению на страницах «Императива».

П.Т.: Теперь я хотел бы спросить о круге авторов. Ваш бюллетень выходит в Берлине. В первых номерах Вы публиковали преимущественно западных мыслителей. Чем определялся Ваш выбор? Кого из авторов Вы считаете наиболее значимыми?

В.В.: Если говорить о европейских авторах, которых мы публиковали, то я хотел бы в первую очередь назвать Райнольда Оберлерхера, немецкого правоведа, политолога и философа. Он стремится рассматривать проблемы современной Европы и всего мира в правовом ключе, в смысле единого правового пространства и общих культурных истоков. Кроме него я назвал бы Йозефа Шуссельбрунера. Он также профессиональный юрист, имеет опыт работы в комиссии ООН. Его взгляды близки к нашим направлениям. Для обоих существенна ориентация на воссоединение германского и русского миров, не в смысле совпадения, а именно в смысле общего правового поля. Северная Америка также мыслится ими как некая проекция германской цивилизации на новый континент.

П.Т.: В связи с этим мне хотелось бы задать вопрос об организации «Европейская Синергия», документы которой Вы опубликовали на страницах своего бюллетеня. Недавно представителями журнала «Атака» открыт филиал данной международной структуры в Москве. Это серьезный политический шаг, требующий осмысления. В манифесте под названием «Синергон» говорится о том, что будущее Европы будет строиться на принципах федерализма и автономии народов. Не приведет ли такое понимание юридических основ европейского мира к национальному дроблению нашего континента, скажем, к отделению Украины, Грузии, Молдавии, Прибалтики от геополитического поля России и закреплению их в западной сфере с ориентацией на США?

В.В.: Я бы обратил Ваше внимание не только на федерализм, но и на другие стороны упомянутого документа, в частности, на упоминаемую в нем сакральную Империю, под которой понимается не только Европа, но и весь наш континент. Речь идет о системе регионов, где каждый из них обладает определенной автономией, но мыслится в рамках единого правового пространства. Здесь можно провести аналогию между эмансипированной личностью и государством, которые в идеале дополняют друг друга, ибо немислимы в полном отрыве. Так и регионы, получив личностную субъектность, не должны стимулировать распад большого пространства, а наоборот, стремиться к созданию новой политической культуры XXI века.

П.Т.: Это, насколько я понял, не только программный пункт Синергона, но и Ваша личная позиция, которую Вы выразили в докладе «Кризис современного государства и регионализм» на заседании данной организации. Вы утверждаете, что в Европе происходит одновременный процесс регионализации и интеграции, и что то же самое происходит в России. По Вашему, реальная власть Москвы в России не больше, чем власть Брюсселя в Европе. С моей точки зрения, здесь есть неточности.

Западноевропейский унитарный процесс – это явление качественно отличное от восточноевропейского. Кремль, в отличие от Брюсселя, является историческим и реальным государственным центром с многовековой традицией, хотя ныне его власть ограничена и контролируема. А Брюссель – не более чем центр координации независимых европейских государств. Спрашивается, можно ли ставить на одну чашу весов государство с имперской традицией и конгломерат независимых национальных субъектов?

В.В.: Аналогию между Москвой и Брюсселем не надо понимать буквально. Я имею в виду власть не в юридическом, а в ее реальном значении. Москва, действительно, является центром, но регионы обладают значительной самостоятельностью. Реальное влияние Москвы в регионах слабое. В Европейском Союзе юридическая сторона этого явления иная. Но типологическая аналогия здесь уместна, особенно если учесть происходящие здесь и там процессы интеграции.

Что касается Вашего второго замечания, хотелось бы обратить внимание на следующее: все рассматриваемые нами процессы происходят не линейно, а циклически. Империи, государства и прочие институты возникают и распадаются, снова возникают на том же пространстве и снова уходят в прошлое. Данный процесс создания и распада происходит постоянно. В качестве примера можно привести античную цивилизацию с региональной властью германских королей, которые объединились в империю Карла Великого. После распада этой империи институт имперской власти был снова восстановлен, в новых формах: в виде Священной империи германской нации, домонгольской империи Рюриковичей или Речи Посполитой.

П.Т.: Понятно. Но нас в данном случае интересует не любое многонациональное государство, а такое, где **ключевую** роль играла бы Россия. Я не говорю **единственную**, хотя, естественно, нам хочется быть лидерами. В рамках нынешнего Европейского Союза Россия не может претендовать на эту роль. Поэтому русские ищут иные альтернативы: есть проекты реставрации Российской империи, восстановления Советского Союза, создания Евро-советской империи и нового Священного Союза, который меня лично более всего интересует, ибо в нем лидером была аристократическая Россия. Нет ли противоречия между русскими и западноевропейскими неоимпериалистическими проектами? Можно ли найти оптимальную модель синергии Запада и Востока Европы?

В.В. Перед нами стоит качественно новая историческая задача – создать новое правовое пространство единых интересов в рамках России и объединенной Европы. Необходимо отказаться от старых шаблонов и осмыслить ситуацию в контексте новых геополитических реальностей. Одна из современных проблем состоит в том, что современная техническая цивилизация уперлась в границы роста. И в этих условиях процесс создания нового паневропейского пространства, с моей точки зрения, должен проходить с учетом сохранения экологического и культурного равновесия. Речь идет не о создании некой глобальной суперимперии, которая поглотит и Россию и Европу, а о

Союзе независимых регионов с достаточными политическими и экономическими правами.

П.Т.: К сожалению, в нынешних условиях это ведет к дезинтеграции России. Отделение Крыма, Украины, Белоруссии от Великороссии для русских трагедия, геополитический катаклизм. Мы никак не заинтересованы в распаде исторической, кровно родственной общности, складывавшейся веками. Я уже не говорю тут о Польше, о Финляндии, поскольку это может быть истолковано как навязчивый реваншизм. Не только в идеологии, не только в политической стратегии, но в самых что ни на есть жизненных экономических сферах Россия тесно связана с Восточной Европой, своей исторической родиной. Принять партнерство с Берлином мы можем, но его лидерство по модели Третьего Рейха, где нам, русским, была отведена, мягко говоря, роль подчиненных, мы не желаем. Хотя опыт других империй для нас безусловно ценен, особенно опыт германцев. В связи с этим, как Вы оцениваете перспективы русско-немецкого сотрудничества в условиях современной Европы?

В.В.: Вы справедливо заметили, что у России есть свои жизненные интересы, которыми она не может поступиться. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что процесс регионализации, и даже своего рода неофеодализации, имеет объективный характер. Мы не в состоянии его полностью контролировать, а тем более остановить. Но мы должны сделать из этого выводы, как это было сделано европейскими королями, пришедшими на смену римским императорам. В Европе должна возникнуть новая иерархия властей, построенная не на старых геополитических принципах, а на новых реальностях. Как считает Оберлерхер, перед Европой стоит необходимость возникновения новой иерархии властей, если угодно, иерархии наций, в культурно-политическом смысле, разумеется. С новой иерархией возникнет и новая силовая композиция, где на востоке Евразии ведущая роль принадлежит России, с ее комплексом юридических, культурных и религиозных ценностей, унаследованных от Византийской Империи, а на западе – Германии, наследнице западноримской традиции. В этом контексте взаимодействие германского и русского начал может способствовать новой иерархии сил, от которой будет зависеть современная архитектура паневропейского пространства.

П.Т.: Та картина, которую Вы нарисовали, существовала в конце 19 — начале 20 веков, до начала первой мировой войны. Тогда, действительно, на германской и русской почве были две центральные иерархии, с традиционной аристократией, с монархическими формами правления. Но именно столкновение России и Германии в эпоху революций привело к разрушению традиционного порядка. И сегодня развитые иерархические структуры имеют не обе наши страны, а только Германия. Вместе с тем, разрушение Российской империи способствовало укреплению англо-саксонских держав:

Великобритании и США. В современной России нет традиционной аристократии, и процесс реставрации в ближайшее время не приведет к ее полноценному возрождению. Массонские структуры, выполняющие на Западе роль новой иерархии, лишь способствуют укреплению НАТО, а шире всей атлантической цивилизации. Они как бы оттягивают европейские структуры к западному полюсу. У России для контрпозиции гораздо меньше возможностей. Культурная традиция существует, а реальной политической власти у нее нет. Как Вы считаете, не удастся ли в данных условиях Западу окончательно перетянуть на свою сторону Восточную Европу, создав благоприятные условия для господства Германии в европейском центре, в то время как Россия будет оттеснена вглубь Евразии и на Дальний Восток?

В.В. Теоретически все возможно. Мне бы хотелось подчеркнуть особую роль Германии. С одной стороны, она, действительно, тяготеет к атлантизму, но с другой стороны, между Германией и Великобританией, а шире германским и англо-саксонским мирами, существуют противоречия. Они проявились и в первой, и во второй мировых войнах. Вместе с тем, Германия имеет определенные противоречия с Россией, которые также проявились в мировых войнах. Здесь желательно учесть опыт русской дипломатии. Она всегда стремилась играть на противоречиях противников, чтобы извлечь для себя максимальную выгоду. То есть в данном случае мы можем использовать противоречия между Германией и Западом для поиска общего знаменателя российско-германского сотрудничества. Я лично знаю, что в Германии существуют весьма влиятельные экономические и политические круги, заинтересованные в вытеснении Соединенных Штатов из Европы и в сближении с Россией. Только сближение с Россией дает Германии исторический шанс восстановить свое территориальное единство, сохранить влияние в Европе, поделив сферы геополитических интересов с Россией. В связи с этим, по моему мнению, целесообразно сосредоточить наше внимание на создании нового нейтрального средневропейского пространства, которое могло бы включать Скандинавию, страны Балтии и всю Центральную Европу.

П.Т.: *Интересный проект. Кто является его наиболее известным идеологом и лидером?*

В.В.: Нельзя сказать, что данный проект имеет ясно выраженную, идеологически структурированную форму. Я бы обратил внимание на особую роль в нем Пруссии и, вообще, «прусскую идею». Восстановление Пруссии, включающей в себя исторические земли германцев, балтийцев и славян, как раз и может привести к созданию нового центрально-европейского пространства, аналогичного древнему варяжскому миру, о чем подробнее можно прочитать в моей книге «Единая Европа». Прусский проект может стать для русских ключевым, так как здесь у нас есть дополнительные козыри в виде Восточной Пруссии и Калининграда. Они-то и могут привести к созданию новой

русско-германской Европы.

***П.Т.:** Мне понятны Ваши аргументы. Я пришел к подобным выводам в ходе разработки геополитической модели нового Священного Союза, конспект которой был опубликован в моей книге «К пониманию русского» (М., 1994). Восточная Пруссия, и особенно Калининград (Кенигсберг), могут со временем стать центром нового паневропейского, германо-славянского образования с новой северной столицей. Данный проект имеет глубокие корни и богатые исторические традиции. Мы будем рады, если наше сотрудничество будет развиваться в рамках нового северно-европейского пространства во всех его смыслах.*

Еще несколько вопросов. В нашем кругу разрабатываются, а точнее возобновлены исследования в области расологии и евгеники. Владимир Авдеев просил спросить Вас: в каком виде данные темы присутствуют в официальной немецкой науке и получает ли это отражение в широкой печати.

В.В.: В официальной немецкой науке расология абсолютно табуирована, запрещена. Но это не означает, что данная тема никого не интересует. В современной Германии эти проблемы принято обсуждать не прямо, а косвенно, для чего разработана целая система эзопова языка. В дополнение к этому могу сказать: как стало недавно известно из печати, в Швеции евгенические и расологические законы, принятые еще в первой половине 20 века, существуют до сих пор, хотя публично об этом не принято было говорить. Данный опыт как раз подтверждает возможность евгенической практики без лишнего шума и пропагандистских крайностей.

***П.Т.:** Вы, наверное, знаете о том, что и в России начала нынешнего столетия была сильна евгеника, которую иначе называют «наукой об улучшении человеческой породы». Она не сводится к экстремальным мерам, а представляет собой серьезную научную школу. Евгеника, как и генетика, должна быть безусловно реабилитирована в нашем обществе.*

Еще бы я хотел Вас спросить о России. Как Вы оцениваете нашу современную реальность глазами западного европейца? Может быть, Вы видите то, что не сразу бросается в глаза нам? Какие проблемы, с Вашей точки зрения, наиболее актуальны для России?

В.В.: Как известно, большие вещи хорошо видны издалека. Россия – величина, безусловно, крупная. Первое, что бросается в глаза при взгляде на Россию издалека, – это противостояние в ней европейского и азиатского начал. Это фундаментальное, может быть, самое глубокое противоречие, проявляющееся в разных отношениях: в расовом, институциональном, культурном ключе.

Вопрос в том, какое начало возобладает в России.

С моей точки зрения, одна из главных проблем современной России состоит в отсутствии и правовой культуры, поскольку большевистская власть подорвала институты традиционного права. Советский период был временем законодательного произвола.

Наша задача

состоит в том, чтобы восстановить традиционные институты русского права, сочетающего корневые и заимствованные элементы, право Древней Руси и систему римско-византийской юриспруденции. Вместе с тем, современное право может использовать достижения англо-саксонской системы, в частности, юридическую технику. Сильный козырь русской правовой культуры состоит в том, что будучи изначально самобытной, она содержит в себе также элементы как римского, так и англо-саксонского типа. Тем самым она может послужить прообразом для воссоздания общеевропейской правовой культуры, объединив достижения других традиций. Подробно об этом я пишу в журнале «Императив», который и является полем исследования методологии паневропейского правового пространства.

***П.Т.:** Это очень важно, так как именно юридические, институциональные стороны чаемого нами союза России и Европы наименее проработаны, а Вы исследуете их весьма квалифицированно на современном уровне. «Наследие предков» больше внимания уделяет истории, культуре, эстетике, расологии.*

На кого из современных русских авторов Вы бы обратили внимание читателей?

В.В.: Если говорить об авторах, разрабатывающих проблемы русско-европейского сотрудничества, я бы, конечно, упомянул в первую очередь Александра Дугина. Именно он навел мосты с новыми правыми на Западе, ввел новые темы в научный и политический оборот, много сделал для взаимопонимания интеллектуальных элит. Я могу также назвать имя Владимира Махнача. Он много сделал для воссоздания традиции

онного имперского мышления с опорой на античный опыт. Можно упомянуть и художника Тимура Новикова, разрабатывающего античное наследие в его эстетическом аспекте. Интересным автором является, безусловно, Сергей Городников. Он также связывает перспективы российской государственности с общеевропейской традицией, противопоставляя ее азиатчине, «туранизму», размывающему нашу национальную субъектность и превращающему его исконные архетипы в некий «евразийский бульон» с неясным вкусом.

П.Т. В 1991 году мне довелось стать организатором конференции «Россия и Европа», по итогам которой издана одноименная монография. С тех пор я постоянно уделяю внимание данному кругу проблем, специализируюсь на русско-испанских отношениях, разрабатываю новые методологические подходы. Многие теперь мне стало более ясно, но далеко не все.

Конечно, Россия изначально сугубо европейское, более того, северно-европейское государство с нордическими традициями монархии Рюриковичей. Но став континентальной империей, чьи устремления, подобно двуглавному орлу, обращены одновременно на запад и на восток, она не могла не превратиться в евразийскую державу. Восточная Россия унаследовала территории Золотой Орды, как бы не относились к этому современные противники «евразийства». Это сложный узел противоречий, и разрешить их не так-то просто. Один из ключей к решению данного противоречия, на мой взгляд, состоит в освоении арийского, индоевропейского наследия. Как Вы оцениваете в этой связи журнал «Наследие предков»? Каковы Ваши пожелания к его авторам и издателям?

В.В.: «Наследие предков», безусловно, интересный журнал, для современной России уникальный, объединяющий круг сильных авторов. Думается, что название журнала вполне соответствует его содержанию. Вместе с тем нельзя не заметить, что на страницах журнала сталкиваются различные точки зрения: прозападные и проевразийские, православные и неоязыческие. Я не буду высказывать свою оценку по данным дискуссионным проблемам, тем более, что она выражена в моих публикациях, но подтверждаю безусловную актуальность ваших разработок.

На мой взгляд, неплохо было бы дополнить ретроспективные исследования «Наследия предков» перспективными темами, надо быть ближе к современности, ориентировать читателя не только в прошлое, но и в будущее. Наследие предков важно не только

Беседа с Владимиром Видеманном

Автор: П.Т.

25.03.2011 00:29 -

освоить, но и конструктивно использовать. Мне бы хотелось, чтобы авторы и читатели задалась вопросом: «Какое наследие мы оставим нашим потомкам? Насколько мы окажемся достойными наших предков?»